

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие Ольги Шакиной</i>	7
Квартирай	9
Дверь	44
Весы	73
Банкоматъ	81
Домовая любовь	142
Сила мечты	185
Кумуткан	204
Лётка, или Хвалынский справочник ...	242
Музей московского мусора	264
Молодые руины	291
Культурный слой	367

Как-то я рассказала Жене Некрасовой, что главным государственным праздником в Латвии — что советской, что европейской — был и остаётся не Новый год, не Рождество, а день летнего солнцестояния. Примат языческого над христианским привёл её в восторг. Проза Некрасовой — дохристианская, досоциальная — всегда об отдельном, сокрытом от других человеке, выстраивающем, минуя общество, собственные мифологические отношения с миром. Это начальная, наивная — потому самая честная стадия мировосприятия. Так ребёнок обезстрашивает жизнь с помощью хитрой системы верований и ритуалов. Первые опыты Некрасовой — «Калечина-малечина», «Сестромам» — сосредоточены

именно на детстве, том периоде жизни, когда ты один на один с миром. «Домовая любовь» — буквально по названию — на доме, где ты одинок осознанно. Дом тут — и *home* (личное пространство), и *house* (сооружение с дверью), и *building* (сооружение с некоторой эстетической доминантой). Любимые писательницей конструктивистские шедевры оживают, чтобы их наконец заметили живущие в них люди («Сила мечты»). Малогабаритная квартира, вместо того чтобы вмещать семью, сама становится семьёй («Квартирай»). Человек, для которого дом — озеро Байкал, оборачивается ластоногим («Кумуткан»). Последняя из упомянутых вещей — об этом говорит и название — разом современная / литературная сказка и традиционное / устное сказание, микс «Алых парусов» и преданий народов Севера. Этническое прельщает Некрасову так же, как детское — своей непосредственностью и неподдельностью. А заглавная вещь («Домовая любовь») — напевный то ли заговор, то ли плач о жизни домовых в многоэтажках. Домовые, кикиморы, духи озёр, неродившихся детей и малогабаритных панелек — Некрасова поверяет реальность мифом, и та почему-то выходит реальнее, овеществлённое любой другой.

Ольга Шакина

КВАРТИРАЙ

Зина взяла и купила квартирай. Но омосковилась она ещё до этого. Приезжала в свой маленький заводской моногород, выделялась разноцветным пятном среди хрущёвок и многоэтажных панелек. Удивляла зрение местных бритыми висками. Рюкзаком вместо сумки. Кроссовками вместо туфель. На неё смотрели сначала с некоторым интересом, настоящим на неприязни и зависти к дальнему, чужому, недоступному, а потом уставали, переключались на свои дела. Зина выросла на этом асфальте, среди этих людей, а смотрелась так, будто только что приземлилась здесь, прилетела с другой планеты. Это Москва в тебе вирусом засела, говорила мать. Изначально, когда

Зина в Москву только уехала учиться, столица матери нравилась, но теперь мать точно знала, что Москва — это болезнь. Дочери близилось тридцать два, а она и не думала выходить замуж, рожать детей, выглядела как неправильный подросток, говорила неясные и ненужные вещи и жила так, что только много работала и много развлекалась. То есть не хотела брать на себя обычную женскую ответственность за жизни людей. Не хотела служить многочисленным другим, как должны были делать все женщины, она хотела служить только себе. А Зина удивлялась местным, особенно ровесникам, застывшим в бетоне моногорода. Они уже обросли детьми, работами, хозяйствами, обязанностями и переняли бесшовно привычки, традиции и ритуалы своих родителей — болезни, алкоголизм, поездки на дачу, походки, способы общения с детьми, манеру одеваться. Зина думала, что это происходило из-за того, что все жили совсем рядом, город был таким, что самые далёкие дома располагались в 20 минутах ходьбы друг от друга — старшие и молодые постоянно варились в одном семейном супе, давно знакомом, где плавали всё те же эмоции и события, накопленные веками. А некоторые взрослые дети и вовсе приводили своих мужей или жён в родительские квартиры и уплотняли их потом собственными детьми.

Во время одного из своих приездов Зина ждала лифт и увидела соседку по многоэтажке. Когда-то в детстве они играли вместе, соседка была на год старше. Она и её двухлетка спускались по лестнице со своего второго. Зина знала, что соседка так и осталась жить с родителями в квартире, поселилась с мужем в своей детской комнате, а потом родила в неё же ребёнка. И вот теперь он шёл впереди, а Зинина соседка, как и положено матери, гордо и терпеливо, одновременно контролирующе следила за ним и спускалась на лестницу выше. Двухлетний человек придерживался лапками за прожжённые, залитые мочой, разрисованные фломастером стены. Туалетный запах, битые и серые от людей и времени окна. Зина помнила, что стеклянные осколки торчали ровно там же, где и 25 лет назад. Подъезд не изменился, разве что постарел, покрылся пылью, надписями. Зина удивлялась, что соседка его не замечала и не видела, на какие стены опираются маленькие пальцы её ребёнка.

Не всё было так железобетонно. Парень из параллельного класса держал голубятню. Бывшая одноклассница любила комиксы и пыталась делать в городе подростковую студию, её, правда, быстро закрыли родители. Девушка, через несколько домов от старозиненого, усыновила четырёх детей из интерната. Определённо, у неё

был муж, но почему-то, когда обсуждали эту её историю, упоминали только её. Несколько знакомых работали на заводе инженерами. Один из них в свободное время построил дачный дом в виде летающей тарелки. Его жена стыдилась, город водил пальцами у висков. Девушка из параллельного класса мечтала открыть пиццерию и вроде даже открыла, но потом Зина, захав в город на пару недель на пятый год своего пребывания в Москве, увидела её, пересекающую главный городской проспект в полицейской форме. Многие Зинины местные знакомые ушли на чиновничьи службы, в МФЦ, в полицию, в соцзащиту. Все-все-все эти люди выглядели и держались очень взросло, серьёзно, часто устало. Всё-всё-всё это было обычно и называлось жизнью. Зина думала, что есть жизнь-жизнь, когда её отвлекаешь, увлекаешь и отковыриваешь в ней что-то новое, другое, оказываешься на новой улице хотя бы два раза в год, а есть жизнь-движение-к-смерти, когда её уже просто привычно пережёвываешь, а она — тебя. Как многие в городе. Даже тот человек, что построил дачу в виде НЛО. Но он всё понял и хотел улететь отсюда.

Сейчас Зина в крупной компании, клиенты которой были крупные компании. Она ещё не добилась того, чтобы работать всегда на удалёнке, но уже два года ходила в офис без пятниц,

планировала ещё отрезать четверги. Это была её третья по счёту профессия. В первые годы в Москве она дизайнерила, потом работала какое-то время в музеях, курировала там выставки и от визуалки ушла к текстам, решила вернуться к зарабатыванию и вот теперь занялась *smm*. Работа ей нравилась. Мать укачивало от частых Зининых радикальных поворотов. Она проработала медсестрой в неменяющейся местной больнице последние 30 лет. А все Зинины профессии были новыми, неизвестными в городе, никто не мог понять, чем она занимается. Мать до сих пор не могла поверить, что Зине платили 100 тысяч в месяц просто за тексты. Она боялась гордиться дочерью, так как жизнь той казалась ей ненастоящей. Даже отказывалась от неё принимать деньги, нехотя соглашалась, когда дочь покупала ей в квартиру мебель и технику.

Зинин отец ей гордился и не был против ничего нового. Он ушёл, когда ей было девять, в новую семью, потом через пять лет снова ушёл в новую семью. Точнее, он создавал каждый раз новую семью с новой женщиной. И всё в границах моногорода, поэтому Зина выросла, как героиня латиноамериканского сериала, натываясь на своих сводных сестёр, отца или его жён в магазинах, на рынке, на главном проспекте с революционным названием. Из-за такой отцов-

ской подвижности Зина была моногородской селебрити, семейные дела которой всё время попадали в таблоиды местных скамеек. С сёстрами они часто виделись ещё в школе. Не общались, общупывали друг друга взглядами, пытаясь понять, у кого из них лучше и дороже одежда. Поначалу Зина сильно ненавидела отца, а потом ей стало всё равно. Он вахтовал на Севере, и сейчас Зина совсем уже без боли думала, что у него там тоже две-три семьи. Мать Зины, раньше сталкиваясь с промежуточной и последней женой бывшего мужа, тоже ревниво проверяла их взглядом. Теперь она к ним охладела, а изучала при встрече сводных сестёр дочери, жутко ревновала и мучилась. Они жили нормально, понятно. Одна, самая младшая, была уже разведена, воспитывала двух детей, вторая была ещё с мужем и воспитывала одного. Вид их потомства и колясок заставлял мать завидовать, страдать и злиться, её муж сумел получить много детей и уже три раза стать дедом, а она всё оставалась без продолжения из-за этой самой дочериной инопланетной жизни. Зина, встречая их, опять удивлялась, как быстро они сумели превратиться в своих матерей. Все Зинины знакомые, даже на десяток лет младше, выглядели и вели себя старше её. Они будто уже отжили своё и уступили своим детям не потому, что так

было необходимо, а потому, что так было принято. Зина пыталась обсуждать это с матерью, но та её не понимала. Ещё мать почему-то не любила слушать про то, как дочь проводила дни вне работы. Когда Зина пыталась ей рассказать про новую выставку или спектакль, на которые сходила, или про новый город и страну, в которых побывала, мать быстро переводила тему, будто Зина рассказывала что-то неприятное и болезненное.

Ей не понравилась дочерина новость про покупку квартира в Москве. Во-первых, её пугала ипотека, то есть дочерино многолетнее рабствование. А во-вторых, квартирай совершенно не подходил на привычное жильё, судя по картинкам, которые Зина пересылала. Хотя бы многоэтажка, даже под 30 этажей, но каких-то не таких, как обычно, цвета и материала. Зина давно хотела купить жильё в Москве, это был понятный и финальный шаг в омоскóвинии, в её личной колонизации этой вот другой планеты, которая уже давно стала её. Зина, как и все, много лет снимала тут комнаты и квартиры. Москва ей нравилась за постоянную способность меняться, двигаться вперёд, то есть жить. И движение это топилось не столько деньгами (бóльшая часть которых выжималась из провинции), а огнём в глазах людей и их постоянной неуспокоенностью. Москва ме-